

ИСТОРИЯ РОССИИ

К 100-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

УДК 94(47)''1917''_(051)

ЖУРНАЛЬНАЯ КАРИКАТУРА КАК ЗЕРКАЛО ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ В 1917 ГОДУ

В. Б. Аксёнов

РАН, Институт российской истории, г. Москва, Россия

Статья посвящена политической карикатуре 1917 г. как источнику по реконструкции массовых настроений городских слоев. Рассмотрены характерные способы обхода цензурных ограничений в дореволюционной карикатуре, а так же распространенные в 1917 г. приемы визуализации, расширявшие семантику текста, включавшие сюжеты 1917 г. в мировой эсхатологический дискурс. С помощью количественного анализа выявлены характерные особенности массива журнальной карикатуры в первую и во вторую половины 1917 г., обозначены наиболее популярные сюжеты сатиры на протяжении революции.

Ключевые слова: карикатура, визуальные исследования, революция 1917, массовое сознание.

Со времён «визуального поворота» в западной историографии интерес к исследованию изобразительных документов в качестве самостоятельного типа источников набирает популярность и среди отечественных историков. Особенную актуальность приобретают исследования карикатуры: как сатирического жанра, чутко реагирующего на изменения социально-политической обстановки, так и документа, отражающего эмоциональное состояние общества. Исследование карикатуры, таким образом, находится на стыке сразу нескольких научных направлений: это собственно визуальные исследования, эмоциология, имагология, социальная психология, история повседневности и пр.

В настоящее время возрастает популярность имагологических изысканий, в которых сквозь призму карикатуры изучаются образы «чужих» и «своих». Интерес представляют работы, выполненные на стыке искусствоведения, истории, филологии, позволяющие учёным «обмениваться» исследовательским инструментарием¹. Значение приобретает изобразитель-

¹ См., например: Успенский В. М., Россомахин А. А., Хрусталева Д. Г. Медведи, Казаки и Русский мороз: Россия в английской карикатуре первой трети XIX века. СПб., 2016.

ный материал кризисных эпох (например, Первой мировой войны), когда в изобразительной пропаганде не только фиксировались этнические стереотипы народов, но и разрабатывались практики патриотической пропаганды, высмеивавшие или демонизировавшие врага². Современные исследования эпохи войн и революций показывают важность обращения к визуальному материалу при изучении как политических процессов, так и социально-психологической динамики общества³. Вместе с тем в ряде критических статей обращается внимание на методологическую неразработанность визуальной истории, непонимание отдельными авторами самодостаточности визуального образа, который в состоянии быть самостоятельным текстом⁴.

В работах, выполненных в рамках эмоциологии, подчёркивается сложная природа смеховой культуры, не только уходящей корнями в фольклорные традиции, но и отражающей психоневрологическое состояние индивидов. В последнем случае смех может выступать реакцией как сильной позитивной эмоции, так и негативной, свидетельствовать о душевном расстройстве. Парадоксальность смеховой культуры 1917 г. уже становилась предметом научных изысканий⁵.

Uspenskij V. M., Rossomahin A. A., Hrustalev D. G., *Medvedi, Kazaki i Russkij moroz: Rossija v anglijskoj karikature pervoj tretej XIX veka*, SPb., 2016.

² Федосюк М. Ю. Представления о комическом в военное время (на материале карикатур периода Первой мировой войны) // Политическая лингвистика. 2011. №2. С. 54–58. Цыкалов Д. Е. Карикатура как орудие пропаганды в период Первой мировой войны // Вестник Волгоградского университета. Серия 4: История. 2012. №1 (21). С. 85–90. Филиппова Т., Баратов П. «Враги России». Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М., 2014.

Fedosjuk M. Ju., *Predstavlenija o komicheskom v voennoe vremja (na materiale karikatur perioda Pervoj mirovoj vojny)*, Politicheskaja lingvistika, 2011, № 2, S. 54–58; Cykalov D. E., *Karikatura kak orudie propagandy v period Pervoj mirovoj vojny*, Vestnik Volgogradskogo universiteta, Serija 4, Istorija, 2012, № 1 (21), S. 85–90; Filippova T., Baratov P., *«Vragi Rossii». Obrazy i ritoriki vrazhdy v russkoj zhurnal'noj satire Pervoj mirovoj vojny*, M., 2014.

³ Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010; Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война породившая революцию. М., 2015.

Kolonickij B. I., *«Tragicheskaja jerotika»: Obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny*, M., 2010; Buldakov V. P., Leont'eva T. G., *Vojna porodivshaja revoljuciju*, M., 2015.

⁴ См.: Бойцова О. Рец. на кн.: Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия: сб. ст. / редкол.: И. В. Нарский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2008. 476 с.: ил., табл. // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 365–373; Аксенов В. «Враги России» в журнальной карикатуре // Российская история. 2016. № 5. С. 216–222.

Bojцова O., Rec. na kn.: Ochevidnaja istorija. Problemy vizual'noj istorii Rossii XX stoletija. Sbornik statej / [redkol.: I. V. Narskij i dr.] Cheljabinsk, Kamennyj pojas, 2008. 476 s.: il., tabl. // Antropologicheskij forum, 2009, № 10, S. 365–373; Aksenov V., «Vragi Rossii» v zhurnal'noj karikature, Rossijskaja istorija, 2016, № 5, S. 216–222.

⁵ Архипов И. Смех обреченных: (Смеховая культура как зеркало короткой политической жизни «Свободной России» 1917 года) // Звезда. 2003. № 8. С. 161–176; Романов А. Гражданин Николай Романов и дворник Митрошка: Сатира в 1917 г. // История. 2007. № 20.

Вместе с тем исследование журнальной изобразительной сатиры эпохи революции следует начинать с периода Первой мировой войны, когда оттачивались многие приёмы, формулировавшие визуальные высказывания их авторов. Специфика этих приёмов во многом была определена цензурными практиками. Несмотря на отсутствие предварительной политической цензуры, военные власти пресекали публикацию в том числе и материалов политического характера. Однако художники и издатели изобретали способы обхода подобных цензурных ограничений. Одним из распространённых приёмов было высмеять то явление, тот порок у врага, который имел место и на российской почве. В результате в карикатурах периода Первой мировой войны складывался образ Вильгельма II как императора-пьяницы, хотя именно Николая II накануне войны обвиняли в пьянстве и спаивании собственного народа посредством винной монополии. Введение «сухого закона» в 1914 г. не сделало образ Николая более «трезвым»: оскорблявшие императора малограмотные подданные продолжали использовать эпитет «пьяница». В июле 1915 г. крестьянин московской губернии Осип Славнов был уверен в пьянстве российского императора и считал это причиной военных неудач: «Мы войну проиграем, потому что царь и правительство сидят и пьянствуют»⁶. В том же месяце ему вторил рязанский мещанин Федор Фадеев: «Наш царь дурак, пьяница – гуляет, а за делами не смотрит»⁷. Поэтому карикатуры, изображавшие Вильгельма II на поле битвы, усеянном пустыми и разбитыми винными бутылками, рождали неоднозначные зрительские ассоциации⁸.

Другим примером может быть карикатура под заголовком «Немцы о себе», опубликованная в октябрьском номере журнала «Будильник», на которой была изображена германская императрица, несущаяся в автомобиле прямо в пропасть. В действительности этот рисунок был иллюстрацией к известной статье депутата-кадета В. А. Маклакова, опубликованной 27 сентября 1915 г. в «Русских ведомостях», в которой он сравнил Россию с автомобилем, ведомым в пропасть безумным шофером, под которым он подразумевал, вероятно, премьер-министра И. Л. Горемыкина. Для придания картине большего трагизма Маклаков предложил читателю представить, что в автомобиле сидит его мать. Образ летящего в бездну автомобиля оказался востребован в политической лексике, к нему в 1916 г. возвращались депутаты Государственной думы, а в 1917 г. в одесском журнале

Arhipov I., *Smeh obrechennyh: (Smehovaja kul'tura kak zerkalo korotkoj politicheskoj zhizni «Svobodnoj Rossii» 1917 goda)*, Zvezda, 2003, № 8, S. 161–176; Romanov A., *Grazhdanin Nikolai Romanov i dvornik Mitroshka: Satira v 1917 g.*, Istorija, 2007, № 20.

⁶ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 90.

Russian State Historical Archive (RGIA), F. 1405, Op. 521, D. 476, L. 90.

⁷ Там же. Л. 105 об.

Ibid, L. 105 ob.

⁸ Будильник. 1915. № 15. С. 9.

Budil'nik, 1915, № 15, S. 9.

«Театр» была опубликована карикатура, повторявшая композицию рисунка из «Будильника» с той разницей, что в роли шофера был изображён председатель Временного правительства А. Ф. Керенский.

Исследователи обращают внимание на обратимость сюжетов антигерманской карикатуры, выбиравшей, как правило, именно те темы, которые были в первую очередь актуальны для России. В конце 1916 – начале 1917 г. самой актуальной проблемой было продовольственное положение. Уже с июля 1915 г. в журнале «Новый Сатирик» резко возрастает частотность экономических сюжетов в карикатурах по сравнению с предшествующим периодом (в 4,75 раза), хотя тема внешней угрозы оставалась в 1,7 раза актуальнее опасности угрозы внутренней. В 1916 г. структура сюжетов принципиально меняется, и уже на 47 совокупных упоминаний внешних проблем России (агрессии немцев, австрийцев, турок и болгар) приходится 70 упоминаний внутренних экономических проблем, при этом 30 сюжетов посвящено коррупции чиновников, мародерству и спекуляциям (образ внутреннего врага) и 19 – политическому кризису. Таким образом, внутренние проблемы, включая образ внутреннего врага, в 1,89 раза оказываются более актуальными, чем угрозы внешние. Следует отметить, что официальная пропаганда заметно облегчала задачу художникам, критиковавшим политику российских властей. В условиях роста цен на продукты, введения в ряде городов карточной системы, перебоев с поставкой в города предметов первой необходимости сообщения печати о продовольственном кризисе в Германии казались российским обывателям издёвкой. Москвичи отмечали в дневниках, что в Берлине продукты дешевле⁹. Полковник П. А. Половцов вспоминал, что даже 1 марта 1917 г., в самый разгар революции, петроградские типографии были полны сводок, поступающих из Министерства иностранных дел, о том, что «вся Германия через несколько дней помрёт с голода»¹⁰.

Предчувствия неизбежной революции, характерные уже для осени-зимы 1916 г., усиливаются в начале 1917 г. В частной переписке, в дневниках обыватели для описания революции прибегают к метафорам «шторма», «водоворота», в который попадает корабль Россия. Поэтому неудивительно, что с началом революции 23 февраля 1917 г. совпадает выход журнала «Новый Сатирик», на обложке которого изображена терпящая крушение лодка с сидящим в ней депутатом Н. Е. Марковым-2м. Однако когда революция свершилась, сатириконовский художник А. Радаков нашёл другой образ, предполагавший, в отличие от фаталистической метафоры шторма, персональную ответственность за революцию: с ограды Летнего сада ветер дул болтавшееся мочало, напоминавшее портрет Николая II¹¹.

⁹ Тихомиров Л. А. Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. М., 2008. С. 260.

Tihomirov L. A., *Dnevnik L. A. Tihomirova. 1915–1917 gg.*, М., 2008, S. 260.

¹⁰ Половцов П. А. Дни затмения. М., 1999. С. 33.

Polovcov P. A., *Dni zatmenija*, М., 1999, S. 33.

¹¹ Новый Сатирик. 1917. № 11.

Novyj Satirikon, 1917, № 11.

Оригинальной находкой стал рисунок А. Хвостова, на котором был изображён почтовый служащий, «гасивший» марку с изображением императора¹². У современников с этими марками были связаны разные воспоминания. Когда «романовская серия» была запущена в обращение в 1913 г., почтовые служащие перепугались, так как за штампование марок, с портретным изображением царствующей особы можно было попасть под действие 103 статьи Уголовного уложения. Поэтому под угрозой увольнения, некоторые служащие почт отказывались ставить штампы на романовские марки. К тому же в 1915 г., во время кризиса с разменной монетой, власти разрешили в качестве последней использовать почтовые марки. Это было неудобно обывателям – марки были маленькими и часто прилипали к рукам, – и в адрес марок и соответственно изображённого царя часто звучали проклятия. Некоторые народные юмористы отпускали остроты, за что следовало уголовное наказание. Так, 7 октября 1915 г. в Москве в чайной лавке, находясь в нетрезвом состоянии, тверской крестьянин Иван Царьков, расплачиваясь марками с официанткой, громко произнёс: «Вот до чего теперь дошло – приходится платить девушкам царями, цари дешевы стали, а Николай II всего 10 коп»¹³.

Первые весенние месяцы революции, прозванные современниками «медовыми», отличались сильным эмоциональным возбуждением обывателей. Вероятно, именно последнее обстоятельство объясняет тот факт, что даже весьма сдержанные авторы переходят границы приличий. Исследователи журнальной сатиры 1917 г. давно уже отмечают её бульварный характер, апелляцию к низменным инстинктам и эксплуатацию избитых приёмов. Отмена цензуры, как ни странно, негативно сказалась на художественных достоинствах произведений. Однако не стоит забывать, что художники сами пребывали в той же растерянности и «обалделом состоянии», порождавших различные формы аффектов, что и рядовые обыватели. Общее психологическое напряжение «медового месяца» приводило к развитию массовых неврозов; неудивительно, что март–апрель 1917 г. стали рекордным периодом за всю Первую мировую войну по количеству петроградцев, обратившихся за психиатрической помощью.

Главный карикатурный сюжет этого периода – высмеивание старого строя. Если на рубеже 1916–1917 гг. сатира акцентировалась на проблемах внутренней разрухи, то за первое полугодие 1917 г., несмотря на то что Временное правительство не успело улучшить экономическую ситуацию, экономическому кризису было посвящено в три раза меньше карикатур, чем императору, членам его семьи и их ближайшему окружению. Встречались достаточно злые и оскорбительные картинки. Часть из них была посвящена скабрёзной тематике якобы имевшей место измены Александры

¹² Будильник. 1917. № 13. С. 9.

Budil'nik, 1917, № 13, S. 9.

¹³ РГИА Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 51.

RGIA, F. 1405, Op. 521, D. 476, L. 51.

Федоровны. Ещё до революции по рукам ходили нелегальные открытки, относившиеся к жанру «политической порнографии», на которых изображались интимные отношения царицы и Распутина. Теперь рисунки на эту тему публикуются в столичных журналах. Распутин на них предстаёт не только любовником царицы, но и некоронованным царём России. Даже всегда несколько отрешенная в своей графике от политики А. В. Ремизова (Мисс) рисует карикатуру, на которой царица целует сапоги «старца»¹⁴.

Другая часть карикатур высмеивала умственные способности Николая II, обыгрывала прозвище «кровавый». Художник А. Радаков рисует для «Нового Сатирикона» карикатуру, на которой Николай II гуляет по Летнему саду, где стоят гигантские статуи-скелеты «Ходынка», «Цусима», «9 января», «Война с Германией». Когда художникам не хватало изобразительных средств для выражения своего презрения к персоне бывшего царя, в ход шли подписи к рисункам: «Смеются над тобой до коллик, царь-вешатель, кретин и алкоголик»¹⁵. При этом, что интересно, сатира, издеваясь над царём, не желала ему смерти. За годы Первой мировой войны были заведены сотни уголовных дел, в которых крестьяне, мещане, дворяне обвинялись в угрозах царей и убийствах. За год до революции, в феврале 1916 г., астраханский извозчик Василий Поляков произнёс: «Если меня будут брать на войну, я все равно не пойду, а если пойду, то за Вильгельма и вместе с ним всажу нашему царю осиновый кол в задницу»¹⁶. В сравнении с подобными заявлениями политическая сатира 1917 г. отличалась определённой мягкостью. Самым строгим наказанием для царя виделась тюрьма, но более распространённой в карикатурах была тема отъезда царской семьи, причём, обязательно, по железной дороге – путешествие по которой, в условиях железнодорожного кризиса, само по себе воспринималось как пытка. Так же обыгрывалась тема бегства Николая II через линию фронта в Германию, что опиралось на распространённые накануне революции слухи о предательстве царя и царицы, о сбежавшем царе и его подмене на престоле и пр.

Примечательно, что помимо царской семьи доставалось и церковным иерархам. Ещё в дни февральского бунта появился слух, согласно которому священники вместе с переодетыми городскими с крыш соборов и колоколен из пулемётов расстреливают восставшие толпы. Находились даже свидетели, видевшие, как пулемёты привозили в церкви в гробах. Данный слух был обыгран художником Б. Антоновским, изобразившим попа, стреляющим из пулемёта, напоминающего «Виккерс», с поднятым крестом в руке. Под рисунком располагался текст от лица «батюшки»: «Мы привыкли смирять народ “этим” и “этим”!»¹⁷ Весной 1917 г. в журнальной сатире за

¹⁴ Новый Сатирикон. 1917. № 12. С. 11.

Novyj Satirikon, 1917, № 12, S. 11.

¹⁵ Стрекоза. 1917. № 19. С. 3.

Strekoza, 1917, № 19, S. 3.

¹⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 178.

RGIA, F. 1405, Op. 521, D. 476, L. 178.

¹⁷ Новый Сатирикон. 1917. № 14. С. 7.

духовенством прочно закрепились контрреволюционная ипостась. В вину вменялась жадность, обогащение церкви за счёт простых людей, поддержка самодержавия. Даже Поместный собор изображался в «Будильнике» как слёт попов-ворон. Побороть стереотипы не помогали даже те представители духовенства, которые искренне поддержали революцию, а также новые одеяния священнослужителей: в моду входили красные рясы и красные банты. А. Хвостов нарисовал для «Будильника» карикатуру, на которой монахи перекрашивали друг друга красной краской. Под рисунком была подпись: «Гуще крась, гражданин, чтобы от прежней черноты ни одного пятнышка не осталось!»¹⁸. Неудивительно, что вскоре к контрреволюционной деятельности духовенства добавляется обвинение в поддержке анархистов и большевиков. Художник К. Грус в карикатуре под названием «Последний оплот» изображает священника, поддерживающего анархиста с револьвером и черным флажком на широкополой шляпе¹⁹.

Летом 1917 г. тематика карикатур меняется. Теперь на первый план выходит угроза анархии. В июне на обложке «Нового Сатирикона» появился рисунок Н. Ремизова (Ре-Ми), на котором был изображен гигантский красный разбойник с дубиной, широко шагавший и разрушавший Петроград. За второе полугодие 1917 г. в журнале «Новый Сатирикон» на 76 карикатур, посвящённых опасности анархии, приходилось 43 карикатуры на экономическую тематику, тогда как в первом полугодии их соотношение было 7 к 13 соответственно, при абсолютном доминировании сюжетов, высмеивавших старый строй, – 37 (во втором полугодии их оказалось всего 13). Уже в апреле–мае обывателей постигают первые чувства разочарования от революции, связанные в первую очередь с разрушением бытовых структур повседневности: усугублением криминогенной обстановки и распространением самосудов, ростом инфляции, транспортным кризисом и т. д. На одной из новосатириконовских карикатур на коленях перед призраком городского стоял обыватель и говорил: «О, дорогая тень! Если бы ты знала, как я тоскую о тебе под лучами слишком жаркого для моего организма солнца свободы...»²⁰. В конце весны – начале лета постоянным героем карикатур становится Ленин: в одном случае он прямо на улице учит солдат-запасников как правильно дезертировать с фронта, в другом в образе разбойника с большой дороги нападает на богатыря-Россию. После спровоцированных большевиками беспорядков 3–4 июля центральной темой в карикатурной лениниане становится тема немецких денег. Часто она преподносится сквозь призму библейских сюжетов, что наделяет её неко-

Novyj Satirikon, 1917, № 14, S. 7.

¹⁸ Будильник. 1917. № 11–12. С. 16.

Budil'nik, 1917, № 11–12, S. 16.

¹⁹ Будильник. 1917. № 16. С. 14.

Budil'nik, 1917, № 16, S. 14.

²⁰ Новый Сатирикон. 1917. № 18. (обложка)

Novyj Satirikon, 1917, № 18.

торым эсхатологическим содержанием. Ещё в годы Первой мировой войны в журнальных карикатурах эксплуатировался сюжет с тридцатью сребрениками: Иуда завидовал болгарскому царю Фердинанду, получившему большую сумму от Вильгельма, чем тот от Пилата. В 1917 г. появляется карикатура, на которой в роли Иуды изображён Ленин, а в роли Пилата – Вильгельм²¹. На других карикатурах Ленин изображён с «печатью Вильгельма» (германским одноглавым орлом), что также может быть интерпретировано в контексте сюжета «последних времён».

Визуальная антиленинская пропаганда шла параллельно судебному процессу, инспирированному министром юстиции Временного правительства П. Н. Переверзевым. Однако обывателям казалось, что суд над большевиками недостаточно быстро проходит из-за чинимых Петросоветом препон. В августе 1917 г. появляется карикатура на тему библейского сюжета жертвоприношения Исаака. В роли Исаака на ней изображён лежащий на жертвеннике голенький Ленин, в роли Авраама, занесшего кинжал над Лениным, – министр Переверзев, а в роли ангела, остановившего Авраама, – председатель исполнительного комитета Петросовета Н. С. Чхеидзе²². В кустах стоял кадет в образе покорной овцы, которой и суждено было стать жертвой. Как видим, художникам-карикатуристам не была чужда политическая прозорливость, позволявшая предугадывать скорое развитие событий.

Вместе с тем, оставаясь верными сатирическому углу зрения, авторы карикатур не поддавались на искушения участия в политической пропаганде и с появлением на политической сцене Л. Г. Корнилова – главной надежды кадетов – «принимаются» и за его персону. После провала «мятежа» Дмитрий Моор придумывает достаточно оригинальный сюжет: на рисунке под названием «На дне» в ночлежке изображены Николай II и Л. Г. Корнилов. Помимо отсылки к известному произведению М. Горького автор обыгрывает фатальную роль железнодорожной станции «Дно» в судьбах царя и генерала: для Николая II станция «Дно» стала последней остановкой перед подписанием отречения, для Корнилова «Дно» – последнее препятствие на пути двигавшейся в Петроград «Дикой дивизии».

К осени политическое сознание обывателей мечется между страхом перед «красной гвардией» и «чёрной гвардией», большевиками и немцами. Приход последних обыватели ожидали после падения Риги 21 августа, тем более что к тому времени уже шла эвакуация правительственных учреждений из Петрограда в Москву. Осенью в «Стрекозе» появилась карикатура под названием «У страха глаза велики», на которой обыватели со страха приняли за вошедших в Петроград немецких кирасир памятник Николаю I у Мариинского дворца. При этом однозначного ответа на вопрос, кто лучше – немцы или большевики, никто дать не мог. Вероятно, настроения зна-

²¹ Бич. 1917. № 28.

Bich, 1917, № 28.

²² Новый Сатирикон. 1917. № 28.

Novyj Satirikon, 1917, № 28.

чительной части общества удачно передаёт карикатура А. Радакова «Буриданов осёл русской власти», на которой осёл с фригийским колпаком на голове был изображён между красногвардейцем и текинцем²³. Автор напоминал зрителю, что по легенде буриданов осёл умер от голода, так как не смог сделать окончательный выбор.

Примечательно, что октябрьский переворот большевиков не стал главным мотивом карикатур в октябре–ноябре 1917 г. Большевики ещё летом превратились в символ анархии и разрухи, поэтому их приход к власти принципиально не менял образы и сюжеты, с ними связанные. Тем не менее принципиальное отличие образов большевиков лета 1917 г. от образов большевиков осени–зимы заключается в том, что в первом случае они чаще всего представляли в качестве немецких агентов, а во втором становились олицетворением животных инстинктов толпы. Заросшие, грязные, оборванные и до зубов вооружённые они символизировали распространяющуюся по России анархию. Так, на карикатуре из «Стрекозы» громадный большевик-разбойник с ножом охотится на маленького обывателя, решившего бежать в Гонолулу; на карикатуре из «Нового Сатирикона» под названием «Разоблачение» бандиты-большевики раздевают обывателей, понимая под этим «разоблачение контрреволюции»²⁴.

Недооценка октябрьского переворота вытекала из массовых настроений тех дней, психологической усталости современников, живших последние недели в состоянии постоянного страха, ожидания катастрофы. Примечательно как отреагировал на известие о захвате власти большевиками П. Сорокин. В дневнике он записал: «Пучина, наконец-то, разверзлась»²⁵. Использование наречия «наконец» указывает на некоторое чувство облегчения, испытанное автором и последовавшее за напряжённым периодом предчувствий чего-то ужасного. Собственно в дни переворота – с 24 по 26 октября 1917 г. – Петроград жил своей обычной жизнью: в отличие от событий конца февраля–начала марта в городе не прекращалось движение общественного транспорта, работали кафе и рестораны, по вечерам обыватели посещали концерты и театры. Даже когда пушки Петропавловки начали обстрел Зимнего, по Троицкому и Дворцовому мостам продолжали ходить трамваи. Наблюдая за ними со стен крепости, большевик А. Тарасов–Родионов, будущий пролетарский писатель, с разочарованием думал: «Странная революция. Рабочий совет свергает буржуазное правительство, а мирная жизнь города ни на минуту не прекращается»²⁶. С другой сторо-

²³ Новый Сатирикон. 1917. № 38. С. 8.

Novyj Satirikon, 1917, № 38, S. 8.

²⁴ Стрекоза. 1917. № 41.; Новый Сатирикон. 1917. № 39.

Strekoza, 1917, № 41; Novyj Satirikon, 1917. № 39.

²⁵ Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С. 99.

Sorokin P., *Dal'njaja doroga. Avtobiografija*, M., 1992, S. 99.

²⁶ Тарасов-Родионов А. Первая операция // Военный Вестник. 1924. № 42. С. 13.

Tarasov-Rodionov A., *Pervaja operacija*, Voennyj Vestnik, 1924, № 42, S. 13.

ны, сами большевики не считали отстранение от власти правительства Керенского каким-то грандиозным, революционным событием. Собственное правительство они называли «Временным рабоче-крестьянским правительством», чем подчёркивалась некая преемственность власти с предыдущим правительством по крайней мере в вопросе созыва Учредительного собрания – Хозяина земли Русской, как называли его современники. Поэтому неудивительно, что смена власти в октябре–ноябре 1917 г. не стала центральным сюжетом визуальной сатиры. В этом плане показательна карикатура, опубликованная в журнале «Стрекоза» в ноябре 1917 г.: по столбу с надписью «власть» карабкаются трое, выше всех находится человек, на шляпе которого красуются буквы «с.-р.», под ним расположился господин, чей ремень помечен литерами «к.д.», а ниже всех сидит большевик, ухватившийся за полы кадетского пиджака²⁷. Примечательно отсутствие на карикатуре меньшевиков, впрочем, к современникам 1917 г. не стоит предъявлять слишком серьёзные требования в знании партийной ситуации.

Однако если политические последствия переворота были недооценены, то социально-экономическим итогам прихода большевиков к власти были посвящены иллюстрации во многих журналах. Так, например, весь 44-й номер «Нового Сатирикона» за декабрь был посвящён «благодарностям» большевикам за то, что они в корне пресекли спекуляцию с бумагой, закрыв все газеты, сделали искусство достоянием масс (имелся ввиду разгром Эрмитажа и Зимнего), быстро и энергично освободили Россию от иностранного капитала (конфликт с союзниками по Антанте), сумели даже самолюбивых англичан поставить на колени (изображены молящиеся о спасении России от большевиков англичане), сумели сделать так, что всякого русского человека в Европе будут встречать с распростёртыми объятиями (иностранная полиция ловит беглеца из России), сразу прекратили всю лишнюю переписку в канцеляриях (саботаж госслужащими правительства большевиков), сумели вывести добрый русский народ на широкую дорогу (изображён разбойник на большой дороге)²⁸. Главным страхом обывателей оставался страх гражданской войны. В ноябрьском номере «Стрекозы» появился рисунок, где Россия изображалась как поле битвы маленьких чёрных человечков, над которыми с пером и бумагой склонилась История, размышлявшая: «Гм... Это самая скверная история из всех, какие мне приходилось записывать»²⁹.

Немаловажно, что гражданская война, в развязывании которой обыватели винили большевиков, должна была проходить не только по политическим причинам (между сторонниками «красных», «чёрных» и «белых»), но и по национальным и территориальным: в карикатурах художники высмеивали начавшуюся борьбу за национальное самоопределение, кроме то-

²⁷ Стрекоза. 1917. № 43. С. 1.

Strekoza, 1917, № 43, S. 1.

²⁸ Новый Сатирикон. 1917. № 44.

Novyj Satirikon, 1917, № 44.

²⁹ Стрекоза. 1917. № 44. С. 1.

Strekoza, 1917, № 44, S. 1.

го, большевиков, в которых видели угрозу анархии, считали олицетворением революционного насилия, обвиняли в провоцировании еврейских погромов. Иллюстрация Н. Ремизова, изображавшая еврейский погром большевиков-анархистов, появилась в ноябрьском номере «Нового Сатирикона». Причём такая метаморфоза большевиков из социалистов-интернационалистов в анархистов-черносотенцев не кажется странной с учётом особенностей динамики массовых представлений обывателей. Уже с лета 1917 г. в них закреплялся образ большевика-контрреволюционера, появлялись карикатуры, на которых Николай II выражал признательность анархистам и большевикам за то, что те разрушали революцию, создавая условия для реставрации прежней власти. Поэтому различия между внушавшим ужас боевиком «черной гвардии» на первом этапе революции и боевиком «красной гвардии» на её последнем этапе постепенно стирались.

Осенью-зимой 1917 г. появляются карикатуры, в которых художники пытаются осмыслить революцию в целом, выделив наиболее характерные пороги ее течения. Художник А. Радаков в карикатуре «Углубление революции» визуализировал три этапа, взяв за основу распространённые обывательские страхи. Первый этап под названием «Крыша» был посвящён февральским слухам о том, что якобы переодетые городские расстреливают мирных граждан из пулемётов, установленных на крышах домов; второй этап – «Бель-этаж» – отражал распространённую весной и вернувшуюся осенью 1917 г. практику незаконных обысков на частных квартирах, оборачивавшуюся обычным грабежом; третий этап – «Погреб» – был посвящён трагическим событиям 24–25 ноября 1917 г., когда при стихийном разгроме царских погребов в вине утонули десятки перепивших «революционеров».

Таким образом, журнальная карикатура не только отражала наиболее резонансные события политической истории 1917 года, но и тонко реагировала на изменения психологического климата в стране и, выполняя психотерапевтические функции, в то же время акцентировала внимание читателей на актуальных проблемах современности. Причём содержание визуальной сатиры раскрывается не только через анализ буквально изображённого сюжета, события или посредством подписи к рисунку, расшифровавшей авторскую интенцию, но и через анализ синтаксиса изображения. Художники использовали различные приёмы, расширявшие семантику своих рисунков. Так, распространённое в годы Первой мировой войны и революции обыгрывание ветхозаветных тем наполняло визуальные образы эсхатологическим смыслом, что соответствовало особенностям массового сознания современников.

Список литературы:

1. *Архинов И.* Смех обречённых: (Смеховая культура как зеркало короткой политической жизни «Свободной России» 1917 года) // Звезда. 2003. № 8. С. 161–176.
2. *Бойцова О.* Рец. на кн.: Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия: сб. ст. / редкол.: И. В. Нарский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2008. – 476 с.: ил., табл. // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 365–373.
3. *Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г.* Война породившая революцию: Россия, 1914–1917 гг.. М.: Новый хронограф, 2015. – 720 с.
4. *Колоницкий Б. И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 664 с.
5. *Романов А.* Гражданин Николай Романов и дворник Митрошка: Сатира в 1917 г. // История. 2007. № 20. С. 6–17.
6. *Успенский В. М., Россомахин А. А., Хрусталёв Д. Г.* Медведи, Казаки и Русский мороз: Россия в английской карикатуре первой трети XIX века. СПб.: «Арка», 2016. – 252 с.
7. *Федосюк М. Ю.* Представления о комическом в военное время (на материале карикатур периода Первой мировой войны) // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 54–58.
8. *Филиппова Т., Баратов П.* «Враги России». Образы и риторики вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. М.: АИРО-XXI, 2014. – 271 с.
9. *Цыкалов Д. Е.* Карикатура как орудие пропаганды в период Первой мировой войны // Вестник Волгоградского университета. Серия 4. История. 2012. № 1 (21). С. 85–90.

JOURNAL CARTOONS AS A MIRROR OF PUBLIC MOODS IN 1917

V. B. Aksenov

The Russian Academy of Science, the Institute of Russian history,
Moscow, Russia

Article is devoted to political cartoons of 1917 as to a source on reconstruction of mass moods of city layers. Characteristic ways of a circumvention of acceptable restrictions in a pre-revolutionary cartoons, and the methods of visualization which are also extended in 1917 expanding semantics of the text including plots of 1917 in a world eschatological discourse are considered. By means of the quantitative analysis characteristics of the massif of journal cartoons in the first and in the second half of 1917 are revealed, the most popular plots of satire throughout revolution are designated.

Keywords: *cartoons, visual researches, revolution 1917, mass consciousness.*

Об авторе:

АКСЕНОВ Владислав Бэнович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт российской истории, РАН, (Москва, ул. Д.Ульянова, 19), e-mail: vlaks@mail.ru

About the author:

AKSENOV Vladislav Benovich – the Candidate of History, the Associate professor, the Senior Researcher, the Institute of Russian History, RAS, (Moscow, D. Ulyanov St., 19), e-mail: vlaks@mail.ru

References

- Arkhipov I. *Smekh obrechennykh: (Smekhovaya kul'tura kak zerkalo korotkoi politicheskoi zhizni «Svobodnoi Rossii» 1917 goda)*, Zvezda, 2003, № 8, S. 161–176.
- Boitsova O., Rets. na kn.: *Ochevidnaya istoriya. Problemy vizual'noi istorii Rossii KhKh stoletiya: sb. st. / redkol.: I. V. Narskii i dr. Chelyabinsk: Kamennyi poyas*, 2008. – 476 s.: il., tabl., Antropologicheskii forum, 2009, № 10, S. 365–373.
- Buldakov V. P., Leont'eva T. G., *Voina porodivshaya revolyutsiyu: Rossiya, 1914–1917 gg.*, М., Novyi khronograf, 2015. – 720 s.
- Kolonitskii B. I., *«Tragicheskaya erotika»: Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voiny*, М., Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. – 664 s.
- Romanov A., *Grazhdanin Nikolai Romanov i dvornik Mitroshka: Satira v 1917 g.*, Istoriya, 2007, № 20, S. 6–17.
- Uspenskii V. M., Rossomakhin A. A., Khrustalev D. G., *Medvedi, Kazaki i Russkii moroz: Rossiya v angliiskoi karikature pervoi treti XIX veka*, SPb., «Arka», 2016. – 252 s.
- Fedosyuk M. Yu., *Predstavleniya o komicheskom v voennoe vremya (na mate-riale karikatur perioda Pervoi mirovoi voiny)*, Politicheskaya lingvistika, 2011, № 2, S. 54–58.
- Filippova T., Baratov P., *«Vragi Rossii». Obrazy i ritoriki vrazhdy v russkoi zhurnal'noi satire Pervoi mirovoi voiny*, М., AIRO-XXI, 2014. – 271 s.
- Tsykalov D. E., *Karikatura kak orudie propagandy v period Pervoi mi-rovoy voiny*, Vestnik Volgogradskogo universiteta, Seriya 4, Istoriya, 2012, № 1 (21), S. 85–90.

Статья поступила в редакцию 16.12.2016 г.